DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-194-200

ББК 83.3(2=411.2)

УДК 821.161.1

В. В. Борисова

Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания

V. V. Borisova

F. M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": History and Typology of Commentary

Об авторе: Валентина Васильевна Борисова, д.ф.н., проф., зав кафедрой русской литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, Уфа.

E-mail: borisova@ufacom.ru

Аннотация: В статье прослеживается история и типология осмысления романа Ф.М. Достоевского «Идиот» в XX столетии, отмечается плюрализм в понимании целей и задач его комментирования, ставший явным на рубеже веков, в результате чего смешивается комментарий к тексту и интерпретация его смыслов. Налицо и резкая поляризация в современном литературоведении альтернативных толкований этого произведения писателя: роман и его герой воспринимаются по принципу *pro et contra*. Отсюда одновременное выражение христианской апологии и демифологизации образа Мышкина, что обусловлено рецептивным конфликтом по отношению к нему, который резко обозначился в 1990 году, когда началась «ревизия» романа «Идиот» и полемика вокруг образа его главного героя. Как яркий пример рецептивного и аксиологического конфликта в этом плане рассмотрены диаметрально противоположные оценки картины Г. Гольбейна, экфрастически воспроизведенной Достоевским.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, «Идиот», комментарии, апология и демифологизация образа Мышкина, рецептивный конфликт, картина Г. Гольбейна.

Для цитирования: Борисова В.В. Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: история и типология понимания // Достоевский и мировая культура. 2018. № 4. С. 194–200. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-194-200

About the author: Valentina V. Borisova, Ph.D., Professor, Head of the Department of Russian Literature, of M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University, Ufa.

E-mail: borisova@ufacom.ru

Abstract: The article reviews the history and conception typology of the novel by F.M. Dostoevsky called “Idiot” in XX century. The pluralism in understanding of purposes and objectives of its commenting which appeared between two centuries is stated, as a result the text comments and interpretation of its conception are mixed together. There is also a sharp polarization of alternative interpretations of this piece of work in the modern literature studies: the novel and its character are deemed on pro et contra principle. Hereof the simultaneous expression of Christian apology and demythologization of Myshkin's image which is caused by the receptive conflict in relation to him that is suddenly appeared in 1990 when the “inspection” of “Idiot” novel and the polemic around its principal character began. Polar opposite assessments of H. Holbein picture so ecphrasically described by Dostoevsky are considered as a stunning example of receptive and axiological conflict.

Key words: F.M. Dostoevsky, “Idiot”, comments, apology and demythologization of Myshkin's image, receptive conflict, H. Holbein picture.

For citation: Borisova V.V. F.M. Dostoevsky's Novel “The Idiot”: Conception History and Typology // Dostoevsky and World Culture. 2018. No 4. Pp. 194–200. DOI 10.22455/2619-0311-2018-4-194-200

В свое время С.С. Аверинцев справедливо назвал комментарий прототипом всех форм филологической работы с литературным текстом, направленной на его понимание. Развиваясь, комментарий стал дихотомичным: с одной стороны, он понимается как построчные разъяснения или примечания разного рода к тексту, с другой – отождествляется с его интерпретацией. С функциональной точки зрения сохраняют свое значение традиционные типы комментария: текстологический, историко-литературный, реальный, словарный и др. В последние годы стало заметно тяготение к комплексному комментарию.

Есть и новые комментаторские подходы. Т.А. Касаткина в ряде своих работ представила опыт экзегетического прочтения произведений Ф.М. Достоевского. Это возвращение к древней традиции вполне оправдано, поскольку и комментарий, и экзегеза связаны с герменевтикой и критикой художественного текста. Такие уровни его истолкования как социально-исторический, моральный, аллегорический и символический в принципе соответствуют уровням экзегетики, практикующей историческое (буквальное) и аллегорическое толкование священных текстов.

Причем в трудах Отцов и Учителей Церкви говорится, что основные методы экзегезы не исключают, а дополняют друг друга: «Иное в Писании, – замечает святитель Иоанн Златоуст, – должно понимать так, как сказано, а иное в смысле переносном <...>. А иное нужно принимать в двояком смысле, чувственном и духовном» [Творения Иоанна Златоуста. Беседа на Пс. 46].

По сути, эти правила толкования Библии выступают как прообразы современного комментария в его позитивистском и символическом вариантах. Однако в своих крайних проявлениях сегодня они выглядят односторонними. Так, увлечение символическим толкованием текста приводит к его субъективной апроприации, когда комментарий выступает «как пожирающий основной текст симулякр, предложенный интерпретатором» [Комментарий: 110]. В практике методологической школы *literary criticism* это проявляется в стремлении извлекать из текста все возможные смыслы безотносительно к авторской интенции.

Думается, будущее за своего рода синтетическим комментарием, с непротиворечивым сочетанием концепционных интерпретаций и текстуальных конкретностей, с выдержанным балансом вариативности, позволяющим сохранять приемлемый «спектр адекватности» (И.А. Есаулов) в толковании текста.

Не менее важен и методологический принцип соотнесенности герменевтических процедур комментария, анализа текста и его интерпретации, позволяющий закономерным образом переходить от линейного, постраничного комментария к «круговому», «центростремительному» толкованию смысла всей цепи выявленных деталей. Это в принципе неизбежно и необходимо.

Но пока для нашего времени показателен плюрализм как в понимании целей и задач комментария, так и самого процесса комментирования. Можно сказать, что комментарий потерял форму, поскольку смешивается комментарий к тексту и интерпретация его смыслов. Накопленный в отечественном и зарубежном литературоведении большой опыт комментирования романа Достоевского «Идиот» в этом плане достаточно показателен.

История его осмысления в XX веке началась с советских академических изданий, которые соответствовали строгим нормативным требованиям и содержали информацию текстологического, биографического, историко-литературного характера. И хотя сегодня эта традиция продолжается в новых изданиях романа в составе современных собраний сочинений писателя, на них уже со всей очевидностью сказалась смена научной парадигмы и мировоззренческой позиции ученых.

Очевидна и предельная поляризация альтернативных прочтений-комментариев произведения Достоевского, обусловленная, на наш взгляд, рецептивным конфликтом по отношению к нему. Роман и его герой воспринимаются по принципу *pro et contra*: налицо, например,

одновременное выражение и христианской апологии, и демифологизации образа Мышкина. С одной стороны, поддерживается и развивается представление о нем как попытке воплотить в художественной реальности образ «положительно прекрасного человека», с другой – главный герой развенчивается как ложное воплощение идеала писателя.

Переломным для отечественного достоевсковедения в этом отношении стал 1990-й год, когда в Старой Руссе И.А. Кириллова говорила о трагически пародийных отступлениях от житийного канона в образе «князя Христа», о том, что его очеловечивание привело к художественным «срывам». С ее доклада началась «ревизия» романа «Идиот» и главного героя [Кириллова: 82-91]. Против развенчания образа Мышкина наряду с другими коллегами высказалась Рита Клейман, введя термин «идиотистика». Ее собственное отношение к произведению Достоевского позже отразилось в пьесе 2007 года «Мышкин и Моисей, или Прибытие поезда».

В 1993 году с полной дискредитацией романа и его героя выступил на Старорусских чтениях Е.А. Трофимов, вызвав слезы И.А. Битюговой, автора примечаний к академическому изданию романа «Идиот». В зарубежной достоевистике эта тенденция представлена в работах Мюррея Кригера, М. Джоунса, Л. Мюллер и других исследователей, полагающих, что в стремлении воплотить сюжет и образ Христа Достоевский-художник потерпел неудачу.

Четко и последовательно «претензии» к князю Мышкину выдвинула в свое время Т.А. Касаткина: «“Князь Христос” оказался заложником ада, сокамерникам томящимся – не более, задолго до конца романа, где его, наконец, соглашаются рассматривать в этом качестве сторонники идеи прекрасного человека-Христа, погубленного недостойным окружением, не желающие признавать, что человек, попытавшись справиться с миссией Христа, может кончить только так – в безумии, и многих ввергнув в безумие, заставив глядеть в “пустые небеса”» [Касаткина 2001: 92].

Чуть позже В.Н. Захаров оценил такие выпады как «эстетическое помрачение» [Захаров: 281]. Вслед за ним можно бесконечно спорить, приводить разнообразные аргументы в поддержку той или иной точки зрения, но то, что альтернативное восприятие и комментирование романа Достоевского имеет уже свою историю, заслуживает внимания. Может быть, в самом произведении есть то, что провоцирует читателей и критиков на противоречивые мнения о главном герое?

Рассмотрим рецептивный конфликт по отношению к роману «Идиот». Знаменитая формула Достоевского «князь Христос» определила

вектор апологетического осмысления произведения. Но романное воплощение образа и сюжета Христа лишено, на первый взгляд, самого важного элемента – воскресения, пасхального торжества. Поэтому отсутствие евангельского катарсиса в сюжете о «христоподобном» человеке провоцирует его отрицательное восприятие.

Другими словами, читателю в романе «Идиот» не хватает чуда. Так своеобразно срабатывает излюбленный прием Достоевского – нарушение читательских ожиданий. Именно оно становится средством сильнейшего стимулирования рецептивной реакции на художественную провокацию автора, который не мог не сознавать того, что альтернативность читательских восприятий будет неизбежна.

Не дождавшись «чуда», читатель переживает болевой шок, как наблюдатель трагедии, не узревший ее разрешения в реальности и лишенный катарсического переживания. Такому читателю трудно понять, что евангельское чудо вообще лежит в другой плоскости, за гранью логического или предметного правдоподобия, см. об этом: [Борисова, Шаулов: 27].

Ярким примером рецептивного и аксиологического конфликта в этом плане являются диаметрально противоположные оценки картины Г. Гольбейна применительно к роману «Идиот». См. об этом: [Степанян: 140]. Одни интерпретаторы полагают, что художник, решив изобразить мертвое тело Христа, именно это и изобразил, и не смог внести в свое творение даже признака воскресения. Другие исследователи считают, что «картина Гольбейна свидетельствует не о смерти, а о воскресении Христа», она передает «иссвещение» и напряжение его мертвого тела, которое «уже поразила первая искра воскресения» [Захаров: 297].

Примечательно, что разница в восприятии и истолковании экфрасического образа Христа, воспроизведенного Достоевским, во многом обусловлена именно визуальной точкой зрения, что обнаружили участники XII симпозиума Международного общества Достоевского, увидев оригинал картины в Базельском музее в 2004 году и сравнив два уровня, с которых можно было рассмотреть полотно Гольбейна. Как известно, писатель встал для этого на стул и «увидел <картину> иначе», не так как Анна Григорьевна, смотревшая на нее снизу и испытывавшая ужас от созерцания трупа. Т.А. Касаткина справедливо отмечает в данном случае зависимость впечатления от визуального уровня восприятия [Касаткина 2015: 253].

Возможность разного видения картины заключена, во-первых, в ней самой: Гольбейн, как отмечает Т.А. Касаткина, использовал для обо-

значения перехода из одной визуальной реальности в другую прием выхода за пределы передней плоскости картины наряду со светящимся зеленоватым фоном, на котором изображена фигура Христа [Касаткина 2015: 254].

Во-вторых, разное отношение к картине выражено и в романе знаменитой фразой Мышкина: «Да от этой картины у иного еще вера может пропасть!» [Достоевский 1973: 182], которая означает, что «колебание веры зависит прежде всего от воспринимающего, от предстоящего» [Касаткина 2015: 254].

Думается, Достоевский вполне осознанно не изобразил в романе «воскресение» князя Мышкина, поскольку есть вещи неизобразимые и невыразимые [Жиякова: 58]. Более того, они и не должны быть изображены, предполагая свободное читательское восприятие и воображение. Не случайно сам писатель считал своими лучшими читателями именно тех, кто предпочитал роман «Идиот» всем другим его творениям. Этой интерпретационной свободой каждый исследователь, каждый комментатор, как показывает практика, распоряжается по-своему.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Идиот // Полн. собр. соч. в 30 тт. Т. 8. Л.: Наука, 1973.
2. Захаров В.Н. Воскрес ли мертвый Христос? // Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. М.: Издательство «Индрик», 2013. С. 272-300.
3. Жиякова Э. М. Поэтика «невыразимого» в романе «Идиот»: Ф.М. Достоевский и В. А. Жуковский // Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья. Проблемы. Межвузовский сборник научных трудов. Иваново: ИВГУ, 1999. С. 47-59.
4. Касаткина Т.А. Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф.М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. Сб. работ отечественных и зарубежных ученых. М.: Наследие, 2001. С. 60-100.
5. Касаткина Т.А. Священное в повседневном: двусоставный образ в произведениях Ф.М. Достоевского. М.: ИМЛИ РАН, 2015. 528 с.
6. Кириллова И. А. Образ Христа в творчестве Достоевского. Размышления. М.: Центр книги Всерос. гос. библиотеки иностранной лит-ры им. М.И. Рудомино, 2010. 153 с.
7. Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (2004). (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 г.). Новое литературное обозрение, 2004, № 2 (66). С. 103-121.
8. Творения Святого отца нашего Иоанна Златоуста архиепископа Константинопольского. Толкование на псалмы. Том пятый, книга первая. Ульяновск: Золотой корабль, 2012. 1005 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1070#part_7697
9. Степанян К.А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
10. Borisova V., Schaulov S. Receptive conflict of the novel "The Idiot" by F.M. Dostoevsky in the context of the novel "The Brothers Karamazov" // European journal of science and theology. 2015. T. 11. № 4. Pp. 23-28.

References

1. Borisova V., Schaulov S. Receptive conflict of the novel "The Idiot" by F.M. Dostoevsky in the context of the novel "The Brothers Karamazov" // European journal of science and theology. 2015. T. 11. № 4. Pp. 23-28.
2. Dostoevskij F.M. Idiot [The Idiot]. Poln. sobr. soch. v 30 tt [Complete Works in 30 vols.]. Vol. 8. Leningrad, Nauka Publ., 1973. (In Russ.)
3. Kasatkina T.A. Rol hudozhestvennoj detali i osobennosti funkcionirovaniya slova v romane F. M. Dostoevskogo «Idiot» [The Role of the Artistic Image and the Peculiarities of Functioning of the Word in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot"]. Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»: sovremennoe sostoyanie izucheniya. Sb. rabot otechestvennyh i zarubezhnyh uchenyh [F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot": Modern State of Studying. Collection of Russian and Foreign Researchers' Works]. Moscow, Nasledie Publ., 2001. Pp. 60-100. (In Russ.)
4. Kasatkina Tatyana. Svyashennoe v povsednevnom: dvusostavnyj obraz v proizvedeniyah F.M. Dostoevskogo [Sacral in Mundane: Binominal Image in F.M. Dostoevsky's Works]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2015. 528 p. (In Russ.)
5. Kirillova I. A. Obraz Hrista v tvorchestve Dostoevskogo. Razmyshleniya [The Image of Christ in Dostoevsky's Works. Reflections]. Moscow, Tsentr knigi Vseros. gos. biblioteki inostrannoi lit-ry im. M.I. Rudomino Publ., 2010. 153 p. (In Russ.)
6. Kommentarij: blesk i nisheta zhanra v sovremennuyu epohu (2004). (Stenogramma «kruglogo stola» v ramkah XI Lotmanovskih chtenij. Moskva, RGGU, 20 dekabrya 2003 g.) [Splendor and Misery of the Genre in the Modern Age (2004). Verbatim report of the "round table" discussion during the 11th Lotman Reading in Moscow, RGGU, 20 Dec 2003]. Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Survey]. 2004, № 2 (66). Pp. 103-121. (In Russ.)
7. Tvoreniya Svyatogo otca nashego Ioanna Zlatousto arhiepiskopa Konstantinopolskogo. Tolkovanie na psalmy. Tom pyatyj, kniga pervaya [Works of Our Holy Father John Chrysostom, the Archbishop of Constantinople. Commentary on Psalms. Vol. 5, Book 1]. Ulyanovsk, Zolotoj korabl' Publ., 2012. 1005 p. [Electronic resource]. – Available at: https://lib.pravmir.ru/library/readbook/1070#part_7697
8. Stepanyan K.A. Dostoevskij i Servantes: dialog v bol'shom vremeni [Dostoevsky and Cervantes: A Dialogue in Greater Time]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2013. 368 p. (In Russ.)
9. Zaharov V.N. Voskres li mertvyj Hristos? [Did Christ Arise from the Dead?] Imya avtora – Dostoevskij. Oчерk tvorchestva [The Author's Name is Dostoevsky. An Outline of Work]. Moscow, Izd-vo "Indrik" Publ., 2013. Pp. 272-300. (In Russ.)
10. Zhilyakova E. M. Poetika "nevyrazimogo" v romane "Idiot": F. M. Dostoevskij i V. A. Zhukovskij [Poetics of the Inexpressible in the Novel "The Idiot": F.M. Dostoevsky and V.A. Zhukovsky]. Roman Dostoevskogo "Idiot": Razdumya. Problemy. Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov [Dostoevsky's Novel "The Idiot": Reflections. Problems. International Collection of Research Papers]. Ivanovo, IvGu Publ., 1999. Pp. 47-59. (In Russ.)